

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346

EDN: LAWTYI

УДК 811.161.1:811.581:398.91

Научная статья / Research article

Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход

Е.И. Зиновьева , С. Чжао

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11

 e.i.zinovieva@spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются пословицы концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО, выражающие сравнение, в русском и китайском языках. Актуальность исследования обусловлена тем, что сопоставительный анализ данных единиц со структурно-семантической, лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения в русском и китайском языках ранее не проводился. Новизна исследования заключается в интегративном подходе к изучению паремий двух системно различных языков. Целью работы явился сопоставительный анализ русских и китайских пословиц концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения для выявления обусловленности сходств и различий в анализируемом фрагменте провербиального пространства двух языков. Исследуются структурные модели пословиц, предлагается их классификация в двух языках. Проводится анализ выражаемых когнитивом, образности пословиц, характерных уподоблений и оппозиций. В результате проведенного сопоставительного интегративного анализа пословиц, отобранных из раздела ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» и «Большого словаря русских пословиц», а также «Большого словаря китайских пословиц», делаются выводы о сходствах и различиях между пословицами двух языков как на уровне синтаксических моделей паремий, так и на уровне выражаемых когнитивом и образности. Сходства заключаются в наличии общих для двух языков типов структурных моделей, совпадении большинства выражаемых в пословицах обоих языков когнитивом, доминировании образов животных и отражении ценностных предпочтений. В пословицах обоих языков наблюдается контаминация выделенных структурных разрядов пословиц и противоречивость ряда когнитивом, что обусловлено ситуативным характером пословичных единиц. Различия проявляются в составе разрядов структурных моделей паремий, что связано с разным языковым строем русского и китайского языков, преобладанием в русских пословичных моделях сравнительных оборотов, а в китайских — синтаксического параллелизма, что обусловлено образным строем китайского языка. Различия в образности и частных когнитивах обусловлены геосоциокультурным контекстом двух лингвокультур.

© Зиновьева Е.И., Чжао Сыминь, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: пословица, концептуальное поле, структурная модель, когнитема

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема в печать: 15.01.2023

Для цитирования:

Зиновьева Е.И., Чжао С. Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 328–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346>

Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach

Elena I. Zinovieva , Zhao Simin

St. Petersburg State University,
11, University Embankment str., Petersburg, Russian Federation, 199034

 e.i.zinovieva@spbu.ru

Abstract. The study deals with the proverbs of the conceptual field “Directness — Slyness” expressing comparison in Russian and Chinese. The relevance of the study is due to the fact that the comparative analysis of these units from the structural-semantic, linguocognitive and linguocultural points of view in Russian and Chinese languages hasn’t been previously carried out yet. The novelty of the research lies in the integrative approach to the study of proverbs in two structurally different languages. The aim of the study was to compare Russian and Chinese proverbs of the conceptual field “Directness — Slyness” with the semantics of comparison to identify the conditionality of similarities and differences in the analyzed fragment of the proverbial space in two languages. Structural models of proverbs are studied, their classification in two languages is given. The authors analyzed the figurativeness of proverbs, expressed cognitemas, characteristic similes and oppositions. As a result of the comparative integrative analysis of proverbs selected from the section “Directness — Slyness” of the collection of V.I. Dal “Proverbs of the Russian people” and “The Big Dictionary of Russian Proverbs”, as well as the “Great Dictionary of Chinese Proverbs”, there have been drawn the conclusions about the similarities and differences between the proverbs of the two languages bot at the levels of syntactic models of paraemias, expressed cognitemas and figurativeness of proverbs. The similarities consist in the presence of matching types of structural models in two languages, the coincidence of the most cognitemas expressed in the proverbs of both languages, the dominance of animal images and the reflection of value preferences. In the proverbs of both languages, there is a contamination of the selected structural categories of proverbs and the inconsistency in some of the cognitemas, which is due to the situational nature of proverbial units. The differences are found in the composition of the categories of proverbial structural models, which is associated with the different linguistic structure of Russian and Chinese languages, in the predominance of comparative turns in Russian proverbial models, and the syntactic parallelism in Chinese ones, which is due to the figurative structure of Chinese language. The differences in figurativeness and private cognitemas results from the geo-socio-cultural context of two linguocultures.

Keywords: proverb, conceptual field, structural model, cognitema

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.01.2023

For citation:

Zinovieva, E.I. & Zhao, S. (2023). Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 328–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346>

Введение

В лингвистических исследованиях, начиная с начала XXI в., все больший интерес вызывает изучение паремиологических фондов различных языков. По образному выражению ученых, пословица является «упаковкой опыта» [1]. Основные аспекты изучения пословиц и поговорок на современном этапе представлены в статье М.А. Бредиса, М.С. Димогло и О.В. Ломакиной [2]. Отличительная особенность современного этапа анализа паремий заключается в том, что исследовательский вектор в рамках различных направлений их изучения направлен главным образом на осмысление ментальных структур, стоящих за паремийными единицами [3; 4 и др.], их оценочности и ценностных доминант [5–7 и др.]. Преимущественный интерес исследователей при этом вызывают пословицы в силу их цитируемости, возможности встраивания в дискурс, в синтагму, культурологического потенциала, фразовости, двуплановости, моделируемости. Одним из актуальных направлений современных паремиологических исследований является сопоставительное [например, 8–14].

Как справедливо отмечают Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов, паремии «выполняют целый ряд культурно обусловленных функций: в коммуникативно-прагматическом аспекте, прежде всего, функции регулятивную и дидактическую, а в лингвокогнитивном — функции смыслообразования и стереотипизации. Когнитивные функции реализуются благодаря закодированным в народных афоризмах выработанным веками и хранимым этноязыковым сознанием бизнесмысловых стратегий» [15. С. 17]. Прагматические же функции паремий, по мнению исследователей, проявляются «в их способности выражать своими аксиологическими смыслами тот или иной социокультурный идеал коммуникантов» [там же]. Учитывая указанную полифункциональность пословиц, многообразие их синтаксических структурных моделей, значимость образности, во многом формирующей национально-культурное своеобразие паремий, считаем целесообразным применение интегративного подхода к исследованию пословиц, предполагающего всестороннее рассмотрение пословичных единиц со структурно-семантической, лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения, аксиологической характеристики.

Паремии с семантикой сравнения уже привлекали внимание исследователей. Так, синтаксические модели пословичных единиц на материале русского языка были выделены и классифицированы в работах Е.К. Николаевой [16] и С.Г. Лазутина [17]. Заметим, что количество и состав структурных разрядов зависит от исследуемой тематической группы единиц [см., например, 18; 19].

Пословицы интересующего нас концептуального поля являлись материалом для рассмотрения концептуальной диады ЛИЦЕМЕРИЕ — ИСКРЕННОСТЬ в русской и английской лингвокультурах [20], концепта ЛЕСТЬ в русском и английском языках [21]. Исследований, посвященных анализу пословиц с семантикой сравнения концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО на материале русского и китайского языков, до настоящего времени не предпринималось.

Цель данной статьи — интегративный сопоставительный анализ русских и китайских пословиц концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения для выявления обусловленности сходств и различий в исследуемом фрагменте проverbsиального пространства двух языков. Материалом для исследования послужили 66 русских пословичных единиц, извлеченных из раздела ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [22] и «Большого словаря русских пословиц» [23], а также 80 китайских пословичных единиц, извлеченных методом сплошной выборки из «Большого словаря китайских пословиц» [24].

Материалы и результаты исследования Русские пословицы с семантикой сравнения

1. Наиболее эксплицитно сравнение выражено в пословицах русского языка, *включающих сравнительные обороты, вводимые союзами как, что и словно* (24 единицы). Краткая характеристика данных единиц представлена в тезисах доклада Чжао Сыминь [25].

Остановимся на анализе данного разряда паремий более подробно. Рассматриваемая группа русских пословиц неоднородна с точки зрения своей структуры, можно выделить разные типы таких единиц.

Во-первых, выделяются пословицы, включающие один сравнительный оборот: *Крутит, как пес хвостом; Человек лукавый — что карман дырявый; Лесть словно зубами съест; Играет, как кот с мышкой; На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь; Отыгрывается, как лиса хвостом; Опутали — как волка тенетами; Прямой как шальной; Он, как кошка, на все ноги падает* и др. Сравнительные обороты могут представлять собой устойчивые сравнения: *играть, как кот с мышкой, падать как кошка* (пословица раскрывает данное устойчивое сравнение — *на все ноги*). Некоторые пословицы группы персонифицируют хитрость, лесть, лукавство, и сравнительные

обороты этому помогают, приписывая этим абстрактным существительным черты человека, например, *Лесть словно зубами съест*.

Объект сравнения может допускать вариативность, например: *Вильнет умом, как пес (как лиса, как сорока) хвостом*. Варианты возможны в силу того, что в качестве эталонов сравнения выбраны рядоположенные существительные — наименования животных, имеющих хвост, за поведением которых человек издавна имел возможность наблюдать.

Во-вторых, можно выделить пословицы, включающие два сравнительных оборота: *Хитрый как лиса, труслив как заяц; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Словами, что листьем, стелет, а делами, что иглами, колет* и др. Эти пословицы в большинстве своем содержат в составе устойчивые сравнения: *хитрый как лиса, трусливый как заяц, (белый, чистый) как снег, (сладкий) как мед, (горький) как полынь, (черный) как сажка, колоть как иглой* и др.

Обычно пословицы данного разряда содержат противопоставление, выражаемое с помощью противительного союза «а»: *Прост, как свинья, а лукав, как змея* и др. Противопоставляться могут как основания (*простой* и *лукавый*) и объекты сравнения (*свинья* и *змея*), так и субъекты сравнения, например, *речи* и *дела* в следующей пословице: *Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь)*. При этом основания сравнения часто опускаются, т.к. они по умолчанию понятны носителю языка: снег — белый и чистый противопоставляется сажке черной и грязной. Соответственно, человек может говорить об очень хороших и правильных вещах, а поступать прямо противоположным образом. Аналогично, все носители русского языка знают, что мед сладкий, а полынь — горькая, поэтому сладкие речи сравниваются с горькими по последствиям (плохими) поступками, делами. Реже встречается сопоставление левой и правой части пословиц с бессоюзной связью: *Хитрый как лиса, труслив как заяц*. В данном случае основания *хитрый* и *трусливый* не противопоставляются.

В-третьих, особый разряд составляют пословицы, левая часть которых содержит сравнение, а правая часть является пояснением сравнения: *Прямой что слепой: ломит зря; Попросту, как похолсту: все гладко*.

Эксплицитно выраженное в русских пословицах сопоставление с помощью сравнительных оборотов дает однозначную негативную характеристику и прямо оценивает субъект сравнения. Так, персонифицированная лесть предстает в виде агрессивного существа: *Лесть словно зубами съест*. За внешним демонстрируемым лукавством (лестью и лицемерием) кроется злобная истинная сущность: *В глазах — как лисица, а за глазами — как волк*. Только одна пословица о лукавстве имеет положительную оценку: *Всюду захож — как медный грош* (о человеке, которому все рады).

Лишь небольшое количество рассматриваемой группы пословиц дидактичны, например: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь*.

Большинство пословичных единиц имеют констатирующий характер: описывают сложившуюся ситуацию (*Опутали — как волка тенетами*), поведение человека (*Играет, как кот с мышкой; Крутит, как пес хвостом; Отыгрывается, как лиса хвостом*) или дают характеристику личным качествам субъекта (*Хитрый как лиса, труслив как заяц*). Характеризоваться может лицемерное показное отношение к чему-либо: *Противно, как нищему гривна*. Данная пословица иронична, что в целом характерно для многих русских паремий. Часто через сравнение характеризуются слова человека, поскольку лесть вербальна — при этом субъектом сравнения могут выступать речи или сам говорящий: *Речи, как мед, а дела, как полынь; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Бахарь, что сахар, а в подонках пушина (бахарь — ‘сказитель, обычно слепой старец’, пушина ‘острая трава, осока’); Что клеит, говорит (т.е. складно, да лукаво); Словами, что листьём, стелет, а делами, что иглами, колет*. При этом слова противопоставляются очень важному концепту русской ментальности — делу.

Следует отметить, что простота и прямой человек подвергаются характеристике с помощью сравнительных оборотов гораздо реже, чем лесть, хитрость и лукавство. Выделяются только 5 единиц о простоте: *Попросту, как пóхолсту: все гладко; Прост, как свинья, а лукав, как змея; Прямой как шальной; Прямой что слепой: ломит зря; Прямой что дурной*. Только первая из приведенных пословиц имеет мелиоративную оценку, выражая идею о том, что жить и действовать лучше без затей, в этом случае все будет хорошо и спокойно.

С точки зрения образности, в рассматриваемой группе пословиц используются зоонимы — *пес, сорока, лиса, кошка, свинья, волк, змея*; часто фигурирует такая часть тела животного, как *хвост* — символ заметания следов, сокрытия чего-либо; наименования денежных единиц — *гривна, грош*; лукавый человек уподобляется *дыривому карману*, которому нельзя доверять. Интересно, что для образного уподобления простого человека используются субстантивированные наименования лиц: *слепой, шальной, дурной*.

2. Следующим по объему рядом пословиц, эксплицитно выражающим сравнение, являются **единицы, включающие в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени** (15 единиц).

Данные паремии в основном содержат суждения о простоте (прямоте) и хитрости. Две единицы касаются лести.

Пословицы этой группы выражают следующие когнитемы (в терминологии Е.В. Ивановой [26]): 1) ‘простота может быть губительна для человека’, данные единицы оценочно амбивалентны: с одной стороны, *Простота хуже воровства: с простоты люди пропадают, Простота нуще воровства*; но, с другой стороны, *Простота дороже красоты*. 2) ‘Хитрый человек находится в более выигрышном положении’: *Лисичка всегда **сытей** волка бывает (или: живет); Кто **хитрее**, тот победит быстрее*. 3) ‘На каждого хитреца всегда найдется кто-то более хитрый’: *Хитра, мудра казанская, а **хитрей** ее астра-*

ханская, *Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрее; Хитра лиса, но еще хитрее — кто ее ловит.* 4) ‘Хитрость предпочтительнее силы’: *Хитрость паче силы.* Особенно это проявляется при определенных обстоятельствах: *На войне хитрость приносит больше пользы, чем сила;* 5) ‘Добро сильнее рациональной хитрости’: *Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости: добро и тварь помнит.* Правая часть данной пословицы раскрывает смысл левой. 6) ‘Существует предел хитрости и прямоты, который трудно превзойти’: *Прямое прямее не будет; Хитрее теленка не будешь: языком под себя не достанешь.* Последняя пословица иронична, правая ее часть раскрывает мысль, выраженную в левой части. Эталоном хитрости выступает лиса: *Хитрее лисы нет зверя.* Пословицы считают, что лучше не переходить негласную границу хитрости: *Лучше недохитрить, чем перехитрить.* 7) Пословицы о лести противоречивы: с одной стороны, ‘человека, которому не льстят, больше уважают’: *Меньше лести — больше чести.* С другой стороны, ‘лесть может оказаться предпочтительнее правды’: *Иногда и лесть лучше правды.*

3. Пословицы с существительными в творительном падеже в значении сравнения (10 единиц) также эксплицитно выражают когнитивную операцию сопоставления.

В творительном падеже сравнения в пословицах употребляются такие существительные как противопоставляемые друг другу зоонимы *лиса* и *волк*: *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком; Глядит лисой, а пахнет волком.* Как и в первом разряде паремий со сравнительными оборотами, лиса — символ хитрости и лицемерия (*Лисой пройти*), а волк — истинной сути человека, злобы. В качестве эталонов сравнения льстеца и лицемера выступают также зоонимы *кошка*, *уж*, *жаба*, *змея*: *Лисой ухаживает, кошкой увивается; Вьется и ужом и жабою; Змеей извивается.*

Эталонами в сравнениях служат также наименования предметов, по форме напоминающих позу человека, желающего выслужиться перед другим: *Согнулся дугой, да и стал как другой; Он перед начальством смычком (лучком) стоит.* Ср. также такой объект сравнения для желающего войти в доверие человека, как *масленный блин*, легко проскальзывающий в рот: *Блином масленным в рот лезет.*

Особо выделяются лицемерные слова: *Говорит крестом, а глядит пестом.* В данной пословице наличествует противопоставление, выраженное синтаксически противительным союзом «а». Противопоставляются речь (*говорит крестом*, т.е. по христианскому обычаю, смиренно) и выражение лица, взгляд льстеца (*глядит пестом*, т.е. угрожающе, враждебно: *пест* — короткий тяжелый стержень с округлым концом для толчения чего-либо в ступе).

4. Имплицитно сравнение представлено в пословицах, представляющих собой предложения тождества (6 единиц).

В данном типе пословиц хитрость оценивается положительно: *Хитрость — второй ум.* Ср. также «отрицательное предложение тождества»,

по терминологии З.К. Тарланова [27] или «дезиндифицирующую» пословицу, по терминологии Т.Г. Бочиной [28]: *Хитрость не дурость, второй ум в голове.*

Лесть, льстец и лицемер получают отрицательную оценку, уподобляясь соответственно: лесть — чести, оказываемой дьяволу; лицемерие — службе черту, льстец, говорящий красивые слова, — злодею или змею, скрывающемуся под цветами. Ср.: *Лесть — дьяволу честь; Ласкатель — тот же злодей; Льстец под словами — змей под цветами; Душой кривить — черту служить.*

5. Пословичные сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма (7 единиц)

В пословицах данного разряда выражаются семантические отношения противопоставления. Противопоставление может быть выражено сложным предложением с союзной связью — с помощью противительного союза «а», а также бессоюзной связью.

Как и в пословицах рассмотренных выше разрядов, в единицах данной группы выражается идея о том, что хитрость предпочтительнее силы: *Хитростью поймаешь даже льва, а силой не поймаешь и сверчка.* Противопоставляются зооморфные образы крупного хищника — льва и мелкого насекомого — сверчка. Пословица сопоставляет лицемера и завистника, измеряя используемые ими абстрактные средства достижения цели с помощью образного параллелизма с хозяйственно-бытовыми реалиями-емкостями — мешком и горшком: *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок.* Особо выделяются льстивые слова, мягкие и сладкие, они контрастируют с образом льда, противопоставляя таким образом внешний поверхностный уровень, то, что находится «на языке» и внутренний, скрытый уровень, отражающий истинную сущность намерений человека — «под языком», «на сердце»: *На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок.*

Пословичные единицы этой группы противоречивы. С одной стороны, простота оценивается положительно, а хитрость — отрицательно, простота угодна Богу: *Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного.* Противопоставление усиливается за счет количественных характеристик: *сто* и *ни одного*. С другой стороны, пословицы признают, что хитрому человеку живется лучше: *Хитрый Митрий, простоват Ипат; Митрий живет — славится, у Ипата все из рук валится.*

Во всех пословицах данного разряда важную роль играет рифма.

6. Пословицы с притяжательными прилагательными (4 единицы)

Пословицы данного разряда также построены по принципу синтаксического параллелизма, но содержат дополнительно в качестве компонента притяжательное прилагательное, что делает выражение сравнения более эксплицитным. Противопоставляются опять же через зооморфные образы лисы и волка внешнее и внутреннее в льстеце и лицемере. При этом задействованными оказываются партитивы *рот, зубы*, как метонимические обозначения

ния агрессивности и злобы, и *хвост*, маскирующий, заматающий истинную сущность: *Лисий хвост, да волчий рот; И волчий рот (зубы), и лисий хвост; Где волчий рот, а где лисий хвост*. Пословицы предупреждают, что нельзя доверять покаянию злого человека и мнимому неведению хитрого: *Волчья кайка, да лисья незнайка*. Лицемер может искусно притворяться, под овечьей кротостью и звучанием слов скрывается истинная натура: *Звяга-то овечья, а сыть-то человечья*.

В плане выражения рассмотренных пословиц русского языка можно отметить такие сферы сопоставления, как ЧЕЛОВЕК — ЖИВОТНОЕ (самая частотная модель): *Прост, как свинья, а лукав, как змея; Лисой ухаживает, кошкой увивается*; ЧЕЛОВЕК — АРТЕФАКТ: *Согнулся дугой, да и стал как другой; Говорит крестом, а глядит пестом*; АБСТРАКТНОЕ — ЧЕЛОВЕК: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь*; АБСТРАКТНОЕ — АБСТРАКТНОЕ: *Лесть — дьяволу честь; Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости*; ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК: *Ласкатель — тот же злодей; Прямой как шальной*.

Китайские пословицы с семантикой сравнения

1. Пословицы китайского языка, включающие сравнительные обороты (12 единиц)

По сравнению с русскими пословицами китайские пословичные единицы со сравнительными оборотами менее разнообразны по структуре. В большинстве случаев они включают в себя два противопоставляемых сравнительных оборота: 口头甜如蜜, 心头黑如漆 ‘Речь сладкая как мед, душа черная как смоль’, при этом основания сравнения могут быть опущены: 口似莲花心似刀 ‘Рот как лотос, душа как нож’.

Однако в китайских пословицах наблюдаются следующие отличающиеся от русских единиц модели пословиц: 1) Пословицы, совмещающие два типа сравнения — сравнительный оборот и сравнительную степень прилагательного или наречия: 话如箭越直越好, 谋如弓越弯越好 ‘Речь как стрела, чем прямее, тем лучше; замысел как лук, чем кривее, тем лучше’. Ср. структуру русских пословиц, в которых правая часть раскрывает содержание левой. 2) Сравнительные обороты входят в состав пословиц, построенных по принципу синтаксического параллелизма: 直如弦, 死道边; 曲如钩, 封公侯 ‘Тот, кто прямой как тетива, умирает у дороги; тот, кто кривой как крючок, назначен сановником’; 娘精老子精, 生了孩子狐狸精; 娘憨老子憨, 生了个孩子半头砖 ‘Мать хитра, отец хитер, и дети хитры как лиса; мать глупа, отец глуп, и дети глупы как кирпич’.

3) Левая часть пословицы описывает внешнюю лицемерную сторону человека посредством сравнительного оборота, а правая часть раскрывает его настоящее лицо: 表面装得像菩萨, 背后吃人肉疙瘩 ‘В глаза притвориться

Бодисатвой, за спиной есть человечесьё мясо’: *Бодисатва* — божество в буддизме, образное наименование доброго и мягкосердечного человека.

Между образами сравнения в пословицах данного разряда двух языков существует сходство. Так, в обоих языках речь сравнивается с медом, а дело и душа уподобляются чему-то черному — сажа (рус.) и смоль (кит.). Описывается также сходная ситуация в двух языках, например: 谋官如鼠, 得官如虎 ‘В чин вошел как мышь, в чине сидит как тигр’ (кит.) и *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком* (рус.). Несмотря на то, что конкретные образы в китайской и русской пословицах не совпадают, в единицах обоих языков используются зоонимы, характеризующиеся противоположными поведением.

4) Следует отметить, что в китайских пословицах выделяется группа единиц с притяжательными прилагательными, при переводе которых на русский язык без сравнительного союза не обойтись. Это обусловлено тем, что в китайском языке имя существительное и словосочетание могут употребляться как имя прилагательное, или после имени существительного добавляется иероглиф, обозначающий имя прилагательное — 的, а соответствующие прилагательные в русском языке часто отсутствуют. К данной группе можно отнести такие пословицы, как 蜂蜜嘴, 毒蛇心, 人不防备要吃亏 ‘Рот как мед, душа как ядовитая змея, пострадешь, если не остерегаешься’; 甜瓜的嘴, 苦瓜的心 ‘Рот как дыня, душа как момордика харанция’: *Момордика харанция* — горький огурец или китайская горькая тыква; 蜜罐子嘴, 秤钩子心 ‘Рот как мед, душа как крючок безмена’.

В китайских пословицах можно выделить следующие когнитемы:

- ‘лицемерному, двуличному человеку легче сделать карьеру’: 直如弦, 死道边; 曲如钩, 封公侯 ‘Тот, кто прямой как тетива, умирает у дороги; тот, кто кривой как крючок, назначен сановником’;
- ‘двуличный человек опасен’: 表面装得像菩萨, 背后吃人肉疙瘩 ‘В глаза притвориться Бодисатвой, за спиной есть человечесьё мясо’; 谋官如鼠, 得官如虎 ‘В чин вошел как мышь, в чине сидит как тигр’.

Предпочтение отдается прямым речам, льстивые слова однозначно осуждаются: 话如箭越直越好, 谋如弓越弯越好 ‘Речь как стрела, чем прямее, тем лучше, замысел как лук, чем кривее, тем лучше’; 小人口如蜜, 转眼是仇人 ‘Тот, у того рот как мед, в мгновение ока превращается во врага’; 口头甜如蜜, 心头黑如漆 ‘Речь сладкая как мед, душа черная как смоль’; 口似莲花心似刀 ‘Рот как лотос, душа как нож’; 蜜糖嘴巴, 砒霜心 ‘Рот как мед, душа как белый мышьяк’: белый мышьяк — это сильный яд, применяется для отравленных приманок против мышей, крыс и медведек.

2. Пословицы, включающие в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени (6 единиц)

В данный разряд, с одной стороны, входят единицы, отрицательно оценивающие хитрость, противопоставляющие ее честности и простоте: 正直得一钱, 胜于奸诈得千钱 ‘Лучше получить одну медную монету честным пу-

тем, чем получить тысячу медных монет хитрым путем»; 刁巧伶俐奸, 不如忠厚老实憨 ‘Умение вывернуться и хитрость хуже простоты и честности’. Хитрость сравнивается с глупостью в пользу последней: 百巧不如一拙 ‘Сто хитростей хуже одной глупости’. Хитрец не заслуживает доверия: 宁和直人动刀, 不和刁人相交 ‘Лучше хвататься за нож с прямым человеком, чем дружить с хитрецом’. Любопытно использование количественных противопоставлений: одна — тысяча, сто — одна. Но с другой стороны, хитрость оказывается предпочтительнее военных действий (ср. в русском языке *хитрость лучше силы*): 多用兵不如巧用计 ‘Лучше умело пуститься на хитрости, чем прибегать к большому количеству солдат’. Как и в пословицах предыдущего разряда, положительно оцениваются прямые речи: 面赤不如语直 ‘Лучше говорить прямо, чем сердиться и гневаться’, буквально: ‘чем покраснеть лицом’.

3. Сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма.

Это самая объемная группа пословиц, включающая 62 единицы.

Вероятно, количественное преобладание модели связано с иероглификой китайского языка. Присущее иероглифу (цзы) значение исследователи называют концептом, отмечая, что многие из подобных концептов скорее соответствуют не понятию, а образу-представлению [29]. Под воздействием пословичной образности «в сознании носителей языка возникают две параллельные картинки-миниатюры, причем обобщенное значение пословица приобретает в результате объединения обоих образных представлений действительности» [30].

Пословицы данного разряда основываются на семантических отношениях уподобления: 狡兔有三窟, 军师有三策 ‘У хитрого зайца три норы, у советника три тактики’; 话甜夺志, 糖甜损牙 ‘Сладкие слова могут сломить волю, сладкий сахар вредит зубам’; 人在甜言中受骗, 马在大雾中迷路 ‘Человек обманут сладкими словами, лошадь сбивается с пути в густом тумане’. Противопоставление в китайских пословицах встречается реже, чем в русских: 溜勾子走遍天下, 直脖子寸步难行 ‘Льстец всюду вхож, прямой и шагу ступить не может’; 忠忠直直, 终须乞食; 奸奸狡狡, 朝鱼晚炒 ‘Прямой человек живет нищенством, хитрый человек живет в достатке’.

Пословицы вербализуют следующие когнитемы:

- ‘хитрость обязательно выйдет наружу’: 狐狸藏不住尾巴, 狗嘴里吐不出象牙 ‘Лиса не может спрятать хвост, собака не может выплюнуть слоновую кость’; 狐狸总要露尾巴, 毒蛇总要吐舌头 ‘Лиса рано или поздно обнаруживает хвост, ядовитая змея — высовывает язык’.
- ‘старый человек хитер и коварен’: 牛老了奸, 马老了滑, 兔子老了不好拿 ‘Старый вол коварный, старая лошадь хитрая, старого зайца трудно поймать’; 人老了奸, 马老了滑, 兔子老了不好拿 ‘Старый человек коварный, старая лошадь хитрая, старого зайца трудно поймать’; 人老了精, 姜老了辣, 兔子老了不好拿 ‘Старый человек хитрый, старый имбирь острый, старого зайца трудно поймать’; 人老精, 姜老辣 ‘Старый человек хитрый, старый имбирь острый’.

Хитрец противопоставляется глупцу, при этом хитрец маркирован положительно оценочно: 乖子看一眼, 傻子看一晚 ‘Хитрец мельком взглянул, глупец смотрел всю ночь’; 乖人醉红喜酒, 笨人醉白喜酒 ‘Хитрец напивается допьяна на свадебном банкете, глупец напивается допьяна на траурном банкете’; 乖人做拙事, 拙人没得事 ‘Хитрец делает глупость, глупцу нечего делать’.

Как и в других разрядах пословиц, осуждаются льстивые слова: 老实人常在, 花言巧语没人爱 ‘Простой человек всегда живет, медоточивого человека никто не любит’; 花言巧语不顶钱, 山珍海味少不了盐 ‘Медовые слова не заменяют деньги, изумительные деликатесы не получаются без соли’; 话直的好, 弓弯的好 ‘Речь должна быть прямой, лук должен быть кривым’. Льстивые слова чаще всего образно уподобляются мёду, ср. также: 嘴里蜜蜜甜, 心里锯锯镰 ‘Во рту мед, в душе серп’; 口蜜虽甜最易消, 井藤虽固恐难牢 ‘Мед во рту сладкий, но легко исчезает, лоза крепкая, но долго не протянет’; 一嘴蜜, 一肚脓 ‘Во рту мед, в животе гной’.

Единицы анализируемой группы часто противоречивы. С одной стороны, простой человек оказывается в выигрыше по сравнению с хитрым и коварным: 老实的常在, 奸猾的必败 ‘Простой человек всегда живет, хитрый человек обречён на поражение’; 奸诈人多灾, 老实人常在 ‘Хитрый многострадальный, простой человек всегда живет’. С другой стороны, наоборот: 老实人受成锅子, 滑鬼子蹬上车子 ‘Простой человек терпит обиды, хитрый человек извлекает выгоду’; 直肠直肚无米煮, 横肠横肚骑马牯 ‘У прямого человека нет еды, у коварного человека верховой конь’. С одной стороны, льстивые слова не могут обмануть, а, с другой стороны, могут: 别被花言巧语哄倒, 别被流言蜚语吓倒 ‘Нельзя быть обманутым медовыми словами, нельзя быть напуганным сплетнями’; 花言巧语哄倒人, 流言蜚语吓死人 ‘Медовые слова обманывают человека, сплетни пугают человека до смерти’. С одной стороны, приветствуется прямота, с другой стороны, лесть предпочтительнее: 阿谀有福, 直言贾祸 ‘Лесть приносит пользу, прямота приводит к беде’; 阿谀人人喜, 直言人人嫌 ‘Лесть любят все, прямоту ненавидят все’.

Некоторые пословицы дидактичны: 不要把甜言蜜语, 当作可口的糖; 不要把良言忠告, 当作刺耳的钉 ‘Не принимай медовые слова за вкусный сахар; не принимай полезные советы за режущий уши гвоздь’; 不要骑两头马, 不要喝两头茶 ‘Не езди на двух лошадях, не пей чай у двух хозяев’.

Обращает на себя внимание четырехчастная структура некоторых пословиц рассматриваемого разряда: 苦荞虽苦, 能饱肚子; 甜言好听, 只能当风 ‘Гречиха горькая, зато кормит досыта, сладкие слова красивые, но можно принять только за ветер’; 口蜜腹剑, 笑里藏刀 ‘На устах мёд, а за пазухой меч; на лице улыбка, а за пазухой нож’; 嘴甜心苦, 两面三刀 ‘Во рту сладко, в душе горько; два лица, три ножа’; 人遭难时亲近少, 人走运时巴结多 ‘У того, кто в беде, мало близких; тому, кому повезло, много льстят’. Кроме того, выделяются пословицы, представляющие собой биинфинитивные предложения: 箭

要直直地射, 话要直直地说 ‘Стрелять из лука надо прямо, говорить надо прямо’; 外面穿的光, 家里吃的糠 ‘В людях роскошно одеться, дома есть отруби’.

Особо следует отметить группу пословиц, включающих в свой состав прилагательные в сравнительной степени: 狡胜贼, 能捕贼; 勇胜虎, 能捕虎 ‘Тот, кто хитрее вора, может поймать вора; тот, кто храбрее тигра, может поймать тигра’; 狐狸越老越成了精, 灰狼越老尾梢越白 ‘Чем старше лиса, тем она прожжённее; чем старше серый волк, тем белее его конец хвоста’; 聪明不过混子, 狡猾不过牛贩 ‘Нет никого умнее, чем пролаза; нет никого хитрее, чем торговец быками’.

4. Пословицы, в которых сравнение представлено образным параллелизмом без параллелизма синтаксической структуры (4 единицы)

В подавляющем большинстве китайские пословицы, построенные по модели синтаксического параллелизма, отличаются образным параллелизмом. Но можно выделить небольшое количество пословичных единиц китайского языка, в которых наличествует образный параллелизм без сходства синтаксического построения частей пословицы: 花枝叶下犹藏刺, 人心怎(难)保不怀毒 ‘Под цветами и листьями еще прячутся колючки, не говоря уже о ядовитости в человеческой душе’; 恶狗咬人不露牙, 毒蛇口里吐莲花 ‘Злая собака кусает, не оскаливая зубы; ядовитая змея из пасти выплевывает лотос’; 苦荞能饱肚, 甜言不能听 ‘Горькая гречиха кормит досыта, сладким словам нельзя верить’; 堵得住黄鳝洞, 塞不了狐狸窝 ‘Забить пещеру угрей можно, заткнуть лисью нору нельзя’.

Все исследуемые пословицы китайского языка в плане выражения используют такие сферы сравнения: ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК (самая частотная модель): 呆人靠力气, 乖人靠心计 ‘Дурак опирается на силы, хитрец опирается на интриги’; 狡诈的女人笑容多, 无能的男子烦恼多 ‘У хитрой женщины улыбок много, у бездарного мужчины хлопот много’; 直率坦白是君子, 笑里藏刀是歹人 ‘Прямой и откровенный человек является благородным, тот, кто за улыбкой прячет нож, является злодеем’. ЖИВОТНОЕ — ЧЕЛОВЕК: 马踏软地易失蹄, 人听甜言易失足 ‘Лошадь легко спотыкается на мягкой дороге, человек легко оступается из-за сладких слов’. 狡兔有三窟, 军师有三策 ‘У хитрого зайца три норы, у советника три тактики’. ЖИВОТНОЕ — ЖИВОТНОЕ: 堵得住黄鳝洞, 塞不了狐狸窝 ‘Забить пещеру угрей можно, заткнуть лисью нору нельзя’; 恶狗咬人不露牙, 毒蛇口里吐莲花 ‘Злая собака кусает, не оскаливая зубы; ядовитая змея из пасти выплевывает лотос’. РАСТЕНИЕ — ЧЕЛОВЕК: 树直死, 人直穷 ‘Прямое дерево умирающее, прямой человек бедный’. ЖИВОТНОЕ — РАСТЕНИЕ: 狡兔不可信, 小树不可倚 ‘Нельзя верить в хитрого зайца, нельзя опираться на маленькое дерево’. РАСТЕНИЕ — ЧТО-ЛИБО АБСТРАКТНОЕ: 苦荞虽苦, 能饱肚子; 甜言好听, 只能当风 ‘Гречиха горькая, зато кормит досыта, сладкие слова красивые, но можно принять только за ветер’.

Заключение

В результате проведенного сопоставительного интегративного анализа русских и китайских пословиц концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения можно отметить сходства и различия как на уровне структурных моделей паремий, так и на уровне выражаемых когнитивом и образности.

В китайском языке пословиц проанализированной тематической группы с семантикой сравнения больше, чем в русском языке. Можно предположить, что это обусловлено большей выделенностью концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО в китайском провербиальном пространстве в целом. Однако типы структурных моделей пословиц в русском языке представлены шире, чем в китайском, что связано с различием языковых систем двух языков. Так, в китайском языке отсутствуют пословицы с существительными в творительном падеже и пословицы, представляющие собой предложения тождества. Следует отметить, что в китайском языке через предложение тождества обычно реализуется сехоуяй (недоговорка), а не пословица. При переводе китайских пословиц с притяжательными прилагательными на русский язык чаще всего невозможно обойтись без сравнительного союза, так как в китайском языке имя существительное и словосочетание могут употребляться как имя прилагательное, а соответствующие притяжательные прилагательные в русском языке часто отсутствуют. В китайском языке шире, чем в русском, представлен синтаксический параллелизм, как правило, сопровождающийся параллелизмом образов. Представляется, что это обусловлено образным строем китайского языка в целом, заложенным в иероглифике. При этом для русского языка в данном разряде паремий более характерны семантические отношения противопоставления, а для китайского языка — уподобления. Интерес представляет четырехчастная структура китайских паремий, отсутствующая в русском языке. Совпадают в двух языках такие пословичные модели, как предложения со сравнительными оборотами и предложения, в составе которых есть прилагательные и наречия в форме сравнительной степени. В пословицах обоих языков наблюдается контаминация выделенных структурных разрядов пословиц.

Большинство когнитивом в русских и китайских пословицах совпадает: в целом простота предпочитается хитрости и лицемерию, лезть осуждается, в ряде случаев (особенно на войне) хитрость предпочтительнее силы. Но следует отметить лакунарные относительно китайского языка когнитивомы русских пословиц: ‘простота может быть губительна для человека’, ‘добро сильнее рациональной хитрости’. В свою очередь, лакунарной относительно русского языка является такая когнитивомы китайских пословиц, как ‘старый человек хитер и коварен’. Необходимо отметить противоречивость ряда вербализуемых когнитивом в двух язы-

ках. Это связано, на наш взгляд, с ситуативным характером пословиц. В обоих языках большинство пословичных единиц имеют констатирующий характер, прямой дидактичностью отличается небольшое количество паремий.

Образность рассмотренных пословиц обоих языков создается в большинстве своем с помощью зоонимов. В группе пословиц обоих языков, включающих сравнительные обороты, льстивые слова сравниваются с медом, а дело и душа уподобляются чему-то черному — сажа (рус.) и смоль (кит.). В группе пословиц, включающих в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени, наблюдаются эксплицитно выраженные ценностные предпочтения в языковом сознании обоих языков. Различия в используемых образах обусловлены геосоциокультурным контекстом: религией, мифологией, различиями в хозяйственно-бытовой сфере и др. Лингвострановедческий комментарий требуется как национально-маркированным компонентам пословиц, так и универсальным образам, которым придают особое символическое значение в конкретной культуре..

Наиболее частотными моделями анализируемого языкового материала являются ЧЕЛОВЕК–ЖИВОТНОЕ и ЧЕЛОВЕК–ЧЕЛОВЕК. Простой человек уподобляется свинье, а лукавый и хитрый человек сравнивается с лисой, змеей и другими животными, имеющими хвост. В модели ЧЕЛОВЕК–ЧЕЛОВЕК наблюдаются такие оппозиции, как глупец/прямик/простак — хитрец, хитрая женщина — бездарный мужчина, простак — дети, мать-отец — дети.

Библиографический список

1. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–41.
2. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
3. Серегина М.А. Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. Вып. 1. С. 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25>
4. Лихун Го, Абдуллаева Ф.Э. Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма отец — сын) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 4 (22). С. 1061–1068. <https://www.doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068>
5. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

6. Семененко Н.Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т.11. № 2. С. 213–232. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>
7. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской лингвокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. <https://www.doi.org/10/25178/nit.2022.1.10>
8. Бредис М.А. Бережливость и скупость в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 131–138.
9. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>
10. Болат-оол Р.В., Пелевина Н.Н. Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 29–32.
11. Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 42–58. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/54/3>
12. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. 2019. Вып. 6. С. 50–59. <https://www.doi.org/10.203309/PhS.6-19/050>
13. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
14. Lomakina O.V. Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. 2021. Vol. 17. № 2. P. 125–135.
15. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография; под ред. проф. Т.Н. Федуленковой. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. С. 14–53.
16. Николаева Е.К. Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 238–243.
17. Лазутин С.Г. Сравнения в пословицах и поговорках // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. 1986. — С. 3–9.
18. Alyoshin A., Zinovieva E. Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias // Scandinavian Philology. 2021. № 19 (2). P. 219–235. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>
19. Зиновьева Е.И., Алёшин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
20. Храмова Ю.А. Паремиологическая реализация концептуальной диады «Лицемерие — искренность» в русской и английской лингвокультурах // Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 124–131.
21. Дежужаева Е.А., Сарангаева Ж.Н. Концепт «Лесть» в английской и русской паремии // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки: сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Уфа: Вестник науки, 2020. С. 167–170.
22. Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. М.: Эксмо Пресс, 2000.

23. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
24. Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Цышу Чубаньшэ, 2011.
25. Чжао Сыминь Лингвокультурный потенциал русских паремий со сравнительными оборотами на материале пословиц о лукавстве и прямоте (на фоне китайского языка) // Тезисы 50-й международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/36133/1/%d0%9c%d0%a4%d0%9a%202022%20%d1%82%d0%b5%d0%b7%d0%b8%d1%81%d1%8b.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).
26. Иванова Е.В. Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2006. № 3. С. 40–49.
27. Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.
28. Бочина Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002.
29. Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11 № 1. С. 48–63. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63>
30. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

References

1. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and intercultural communication*, 3, 34–41. (In Russ.).
2. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> (In Russ.).
3. Seregina, M.A. (2016). Paremiology as a form of representation of people's knowledge in language: Cognitive-structural aspect. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25> (In Russ.).
4. Lihong, Guo & Abdullaeva, F.E. (2020). Propositional frame-based analysis of the semantics of proverbs of the Russian and Chinese languages (based on frame father — son). *Bulletin of Kemerovo State University*, 22(4), 1061–1068. <https://www.doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068> (In Russ.).
5. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of the Russian paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, 4(54), 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> (In Russ.).
6. Semenenko, N.N. (2020). Axiology Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 213–232. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232> (In Russ.).
7. Nelyubova, N.Yu. (2022). Axiological dominants of paremiology as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New research of Tuva*, 1, 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
8. Bredis, M.A. (2016). Frugality and covetousness in the proverbs (based on Russian, Latvian, German, English and Tajik). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 131–138. (In Russ.).

9. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages, *Rusin*, 3(45), 119–128. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9> (In Russ.).
10. Bolat-ool, R.V. & Pelevina, N.N. (2017). On woman's image in Tuvian and German proverbs. *Bulletin of Khakassian State University. N.F. Katanov*, 21, 29–32. (In Russ.).
11. Diaz Ferrero, A.M. & Quero Gervilla, E.F. (2018). Analysis of proverbs expressing a negative view of woman in the Russian and Portuguese languages. *Tomsk State University Journal of Philology*, 54, 42–58. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/54/3> (In Russ.).
12. Nelyubova, N.Yu. (2019). The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world. *Philological Sciences*, 6, 50–59. <https://www.doi.org/10.203309/PhS.6-19/050> (In Russ.).
13. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021). Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, 3, 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
14. Lomakina, O.V. (2021). Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, 17 (2), 125–135.
15. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2017). Cognitive-pragmatic nature of proverbs. In: *Proverbs in the phraseological field: cognitive, discursive, comparative aspects*, T.N. Fedulenkova (Ed.). Vladimir: Vladimir State University publ. pp. 14–53. (In Russ.).
16. Nikolaeva, E.K. (2010). Set similes in Russian proverbs. *Problems of History, Philology and Culture*, 3(29), 238–245. (In Russ.).
17. Lazutin, S.G. (1986). Comparisons in proverbs and sayings. In: *Language and style of folklore. Interuniversity collection of scientific papers*. pp. 3–9. (In Russ.).
18. Alyoshin, A. & Zinovieva, E. (2021). Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias. *Scandinavian Philology*, 19, (2), 219–235. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>
19. Zinov'eva, E.I. & Aleshin, A.S. (2022). The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New research of Tuva*, 1, 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russ.).
20. Khramova, Yu.A. (2010). Paremiological realization of the conceptual dyad “hypocrisy — sincerity” in Russian and English linguistic cultures. *Humanitarian Research*, 1(33), 124–131. (In Russ.).
21. Dezhuzhaeva, E.A. & Sarangaeva, Zh.N. (2020). The concept of “Flattery” in English and Russian proverbs. In: *Fundamental and applied aspects of the development of modern science. Collection of articles based on materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Ufa: Vestnik nauki. pp. 167–170. (In Russ.).
22. Dal', V.I. (2000). *Proverbs of the Russian people*. Vol. 2. Moscow: JeKSMO. (In Russ.).
23. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *Large dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).
24. Ven', Duan'chzhen. (2011). *Large dictionary of Chinese proverbs*. Shanghai: Lexicographical Publishing House. (In Chinese).
25. Chzhao, Symin' (2022). Linguistic and cultural potential of Russian proverbs with comparative turns on the material of proverbs about slyness and directness (against the background of the Chinese language) In: *Abstracts of the 50th International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya*. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/36133/1/%d0%9c%d0%a4%d0%9a%202022%20%d1%82%d0%b5%d0%b7%d0%b8%d1%81%d1%8b.pdf> (accessed: 15.07.2022). (In Russ.).
26. Ivanova, E.V. (2006). Concept as one of the basic notions of cognitive linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 3, 40–48. (In Russ.).
27. Tarlanov, Z.K. (1999). *Russian proverbs: syntax and poetics*. Petrozavodsk. (In Russ.).

28. Bochina, T.G. (2002). *Stylistics of Contrast: Essays on the Language of Russian Proverbs*. Kazan: Kazan University publ. (In Russ.).
29. Demidova, T.V., Soloveva, T.M. & Barov, S.A. (2020). On the Cognitive-semantic Approach to the Study of Modern Chinese Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 48–63. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63> (In Russ.).
30. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors in translating tuvan proverbs in the light of normative and polylingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, 1, 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы*: лексикология и фразеология современного русского языка, историческая лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-6253-9739. SPIN-код: 9059-2243

Чжао Сыминь, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы*: паремиология, когнитивная лингвистика; *e-mail*: st091469@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1706-1021. SPIN-код: 6285-5928

Information about the authors:

Elena I. Zinovieva, Dr.Sc. (Philology), Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, St. Petersburg State University; *Research interests*: lexicology and phraseology of the modern Russian language, historical lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-6253-9739. SPIN-code: 9059-2243

Simin Zhao, PhD Student, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, St. Petersburg State University; *Research interests*: paremiology, cognitive linguistics; *e-mail*: st091469@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1706-1021. SPIN-code: 6285-5928